

ЗА ПРЕДЕЛАМИ

Мой путь лежит в эфире,
Где только Бога власть.
Я вознеслась над миром
И не боюсь упасть.
(Элизабет Кульман)

Творчество Элизабет Кульман (1808-1825), как и других немецких поэтов России, оказалось за пределами общепринятой истории немецкой и русской литературы. Но не только ее. Оно пребывает за пределами традиций, «нормального» социума, понимания, здравого смысла, человеческих возможностей, вообще какой-либо мыслимой реальности. За пределами жизни.

1. Тайна черной птицы

Элизабет Кульман родилась 5 (17) июля 1808 года в Петербурге на Васильевском острове в немецкой семье; ее предки происходили из Эльзаса и Эстляндии (Эстонии). Она была последним и очень поздним ребенком в многодетной семье отставного капитана Бориса Федоровича Кульмана и его жены Марии (урожд. Розенберг). Отец умер вскоре после ее рождения, а семерых братьев и сестру, намного старше ее, она практически не знала: шестеро братьев погибли или умерли от последствий ранений во время Отечественной войны 1812 года и наполеоновских войн; один брат, оставшийся инвалидом, находился на гражданской службе и жил в бедности; старшая замужняя сестра также умерла. У Элизабет были еще племянники, дети ее сестры и погибших братьев, но их она, вероятно, тоже не знала, поскольку те жили у других родственников или в сиротских учреждениях. Скорее всего, в семье Кульманов были еще сыновья, умершие в детстве до

рождения Элизабет: они не упоминаются учителем и единственным сведущим ее биографом Карлом Фридрихом Гроссгенрихом, однако об их существовании можно узнать из одного стихотворения Элизабет, написанного в двенадцатилетнем возрасте.

На первый взгляд, оно, как и большинство ее стихотворений, отражает мироощущение наивного бесхитростного живущего в тепличной обстановке ребенка. Оно обращено к аисту, которого она благодарит за то, что когда-то он принес ее именно к ее родителям – бедным, но добрым людям, а не к каким-то злым и надменным богачам.

Ах, аист, как хочу я
Тебя в гостях увидеть!
Ведь ты мой величайший
И первый благодетель.
Ты в розовой корзинке
Принес меня на землю
И мог меня оставить
В богатом знатном доме,
Где гордость и тщеславье,
Вражда и гнев царили.
Но ты, мой добрый аист,
В наш сад со мной спустился
И между двух жасминов
Под тополем высоким
Меня в тот день оставил.
Меня нашли два бедных,
Но добрых человека,
И нет их лучше в мире!
Меня вскормила мама,
А папа меня баюкал часто.
Он был отважный воин,
И ласковые руки
В глубоких шрамах были.
Меня любили братья,
И мы играли вместе,
Но старших трех ни разу
Не видела я в жизни.
(Здесь и далее переводы И.Б.Томан)

На этом сентиментальная сказка об аисте и счастливом детстве заканчивается, и за ней следует мистическая и трагическая история о судьбе трех старших братьев.

Однажды в жаркий полдень
Гроза разбушевалась.
Когда ж она утихла,
Средь поля появился
Огромный неподвижный
Ужасный черный ворон
С могучими крылами.
Он в черную корзину
Их положил, уснувших,
И с ними в небе скрылся.
Унес детей несчастных
К себе, где птиц не слышно,
Где ночь царит и холод.
Без слез о милых братьях
Я не могу подумать.
Они были послушны
И набожны – так мама
И папа говорили.

Скорее всего дети умерли от какой-то болезни. Однако интересно, что Элизабет, жившая в мире сентиментальных добрых сказок, населенных говорящими животными и цветами, воспринимает смерть братьев как исчезновение в стране мрака и безмолвия. Где же Царство Небесное? Услышала маленькая Элизабет от матери или от кого-то еще именно такую версию исчезновения братьев или их смерть преломилась подобным образом в ее собственном сознании, неизвестно. Хотя бы отчасти объяснить эту странную историю может образ страшной птицы, похитившей мальчиков. Признаюсь, что, едва я взялась за перевод данного стихотворения Элизабет, как черный ворон стремительно влетел в мой текст и расположился там так прочно, что изгнать его оттуда не было никакой возможности. Что поделать: в сознании, сформированном русской культурой, образ черного ворона обязательно связан со смертью. Однако у Элизабет это не ворон, и, думаю, его вообще не могло там быть. Дело в том, что ворон был одним из обитателей ее маленького сказочного детского мира, в котором отразились не

столько литературные впечатления, сколько непосредственные наблюдения. Так вот, в одном из ее первых стихотворений фигурирует симпатичный добрый и набожный (!) ворон, которого, однако, все несправедливо ругают и обижают. Что касается той страшной истории, то там детей похищает не ворон, а Trauervogel. Всего-навсего мухоловка-пеструшка – в реальности безобидная совсем не страшная маленькая пестрая птичка. Вполне вероятно, что Элизабет, всю жизнь проведшая в большом городе, настоящую мухоловку-пеструшку никогда не видела. Что касается ее зловещего немецкого названия – Trauervogel, - то, конечно, воображение впечатлительной девочки рисовало страшные картины. Возможно, она слышала какие-то сказки об этой птице, появление которой, по свидетельству Якоба Гримма, предвещает смерть.¹

2. «Дай, облако, мне руку!»

Итак, семья Кульманов была очень многочисленной и смутные воспоминания об этом, в значительной степени перемешанные с рассказами матери, сохранились в памяти Элизабет. Однако уже лет в пять она оказалась вдвоем с матерью, окруженная воспоминаниями и призраками дорогих умерших. Они были очень близко, но их соседство совсем не пугало маленькую девочку: оно было желанно и радостно и давало надежду на скорую встречу.

Чтобы отчасти понять это мироощущение Элизабет, где живые и мертвые составляли как бы одну семью, обратимся к ее стихам, написанным в двенадцатилетнем возрасте.

Смотри, с небес лазурных
К нам облако одно
Летит. Почти коснулось
Вершин берез оно.

А вдруг это карета,
В которой папа мой!

¹ Grimm J. Deutsche Mythologie. Bd.2– Goettingen, 1844. – S.1087

Из ангельского хора
Он убежал домой!

* *

О мама, поскорее
К окошку подойди!
Ты облако ли видишь
За садом впереди?

На нем стоят все братья
И с ними наш отец.
Он машет нам! Мы будем
Все вместе, наконец!

Дай, облако, мне руку
И подними скорей:
Я вижу милых братьев
У золотых дверей.

Не видела при жизни
Я братьев никогда,
Но на земле и в небе
Узнаю их всегда.

Отец мой с ними рядом.
Они кого-то ждут...
Дай, облако, мне руку:
Они меня зовут!

Подобное отношение к смерти отчасти объясняется тем, что наблюдения за природой занимали весьма заметное место в жизни Элизабет. На первый взгляд, это странно для городской девочки, чье общение с природой ограничивалось крошечным садиком. Однако замкнутая жизнь в ограниченном пространстве воспитала в ней особую наблюдательность и внимание; она замечала вещи, которые скорее всего не заметит человек, живущий на вольном воздухе и воспринимающий мир природы как нечто привычное и само собой разумеющееся. Наблюдения же пробудили в ней

размышления о круговращении и вечном возрождении жизни, необходимой частью которого является смерть.

В моем саду погибли
Последние цветы.
О роза-королева!
Завяла даже ты.

Прощайте, георгины!
Вам вновь не расцвести,
И мой высокий тополь
Стоит нагой почти.

Трава, цветы, деревья
Завяли в эти дни.
И разве не должна я
Погибнуть, как они?

Это чувство слияния с природой соединялось с христианским сознанием и еще больше примиряло с неизбежным концом. Незадолго до кончины она пишет стихотворение «Бессмертие».

Разбужены небесным зовом,
Как мы воспрянем к жизни новой,
Мой разум не осознает,
Но после снега и мороза
Вновь расцветают пышно розы,
И дерево плоды дает.

Подобная тема – возрождения природы и вечной жизни – в другом стихотворении, также предсмертном.

Я верю, я знаю: утром
Исчезнет туман холодный,
И вновь засияет солнце,
И станет земля свободной.

Я верю, я знаю: с неба
Создатель на нас взирает
И светлой, горячей любовью
Землю свою озаряет.

Я верю, я знаю: скоро
Вырвусь из мглы и печали,

Взлечу – и увижу Бога
И ангелов в синей дали.

3. «О славе я мечтала...»

Ощущение единения с мирозданием, восприятие себя как частицы вечно возрождающегося бытия со временем начинает соседствовать, а то и вытесняется совершенно иным чувством – чувством значимости своей жизни и стремлением к бессмертию, причем не в природном или богословском смысле, а сугубо в человеческом – в памяти грядущих поколений. Это новое самосознание пробудилось у Элизабет благодаря учителю – Карлу Фридриху Гроссгенриху (Karl Friedrich Grossheinrich).

Карл Фридрих Гроссгенрих, служивший гувернером в богатых петербургских домах, был другом семьи Кульманов. Обратив внимание на способную девочку, он стал безвозмездно заниматься с ней, а затем, пораженный ее незаурядными талантами и памятью, привлек к образованию Элизабет знакомых педагогов. Вероятно, с ней занимались как индивидуально, так и с другими детьми, отношения с которыми у нее явно не сложились. Это и понятно. Элизабет была очень бедна. Насколько – можно судить по одному из ее первых стихотворений «Мой образ жизни» («Meine Lebensart»), кстати, довольно оптимистичному, в котором она сообщает, что вполне довольна своей жизнью: никогда не ложится спать голодной и имеет целых два платья. Это явно ответ тем, кто относился к ней с жалостью и презрением. А Элизабет была гордой и, в свою очередь, презирала тех, кто видел в ней «бедную девочку». Скорее всего мать и педагоги учили ее терпеть и принимать с благодарностью свою «честную бедность». Однако эти наставления, соединенные с обостренным и постоянно уязвляемым чувством собственного достоинства и осознанием своих блестящих успехов в учебе, рано породили в ней уверенность в своем изначальном превосходстве над окружающими. Как мы помним, Элизабет благодарила аиста за то, что он принес ее не каким-то презренным богачам, а именно к ее родителям –

бедным и добродетельным людям. В других стихах эти идеи выражены более отчетливо. Обращаясь к кому-то, назвавшему ее «бедной девочкой», Элизабет решительно это отвергает, предлагая обидчику посмотреть, как сверкает золотом крыша ее дома под лучами восходящего солнца и как вечером, на закате, сияет, словно покрытое топазами, ее единственное окно. И дело здесь не только в том, что у нее только это и есть, а большего ей и не надо. Она ясно дает понять, что она способна увидеть эту красоту, а тот, кто называет ее «бедной девочкой», как не видел, так и не увидит ничего. Еще более недвусмысленно отношение Элизабет к окружающим отражает стихотворение «Утешение» (Trost). Оно адресовано некоей барышне, которая с презрением смотрела на Элизабет и смеялась над ее стихами. Дословный перевод ответа юной поэтессы таков: «Тебе никогда не быть там, куда вошла я. Я оставила тебя далеко позади. Не вечно ты, гордячка, будешь жить, а когда умрешь, никто не вспомнит о тебе. Меня же смерть возвысит и окружит золотым сиянием».

Да, Элизабет знала о своих исключительных дарованиях, а, точнее, избранности. Она владела, кроме немецкого (который был ее родным языком) и русского, французским, английским, итальянским, испанским, португальским, новогреческим, латинским, древнегреческим и церковнославянским языками; писала стихи на немецком, русском и итальянском языках и занималась литературными переводами. Среди ее крупнейших работ – переводы од древнегреческого поэта Анакреонта на восемь языков. Перу Элизабет принадлежит также перевод на немецкий язык всех трагедий В.А.Озерова – недооцененного потомками поэта, возможно, по причине скептического отношения к нему А.С.Пушкина. Впрочем, впоследствии ему воздал должное О.Э.Мандельштам, назвавший его «последним лучом трагической зари». Данное определение отчасти может объяснить, почему сердце восторженной юной девушки привлек именно этот автор.

В Элизабет Кульман поражает не только ее поэтическое дарование и феноменальные способности к языкам, но фантастическое трудолюбие и почти фанатическая страсть к литературному творчеству. Количество написанного ею поражает, и, конечно, далеко не все ее произведения отличаются исключительными литературными достоинствами. Значительная их часть – это «творческие задания» К.-Ф. Гроссгенриха и других учителей и упражнения в стихосложении, иными словами, «пиитические опыты», как впоследствии было названо первое издание ее сочинений. Впрочем, все или почти все, что писала Элизабет, вызывало у наставников не только нескрываемый восторг, но и растерянность. Например, учитель российской словесности, объяснив ей правила стихосложения, попросил сочинить, в качестве упражнений, несколько стихотворений. Когда же он проверил домашнее задание своей ученицы, то заявил, что не может ее больше ничему научить.

Впрочем, звездный час Элизабет наступил, когда ей было тринадцать лет. В тайне от ученицы К.-Ф. Гроссгенрих послал несколько ее немецких и итальянских стихотворений на суд самого Гете, который в ответном письме отозвался с похвалой о сочинениях юной поэтессы и предрек ей великое будущее.

Письмо всемирно известного классика полностью рассеяло последние сомнения Элизабет относительно своего призвания и места в обществе. Ее почти безостановочное лихорадочное поэтическое творчество питалось не только впечатлениями и размышлениями, но и честолюбием. Она работала день и ночь, до изнеможения, ибо считала неустанный труд главным условием осуществления своего данного Богом предназначения.

Во многих стихах Элизабет отражено ощущение незримого присутствия Бога. Однако ни в детстве, ни на пороге смерти она его ни о чем не просила. Он был для нее только воплощением Высшей Справедливости, и его волю она воспринимала с неизменной благодарностью, постоянно чувствуя устремленный на себя взгляд. Можно заметить, что религиозность

Элизабет была одним из источников ее чувства собственного достоинства и презрения к людям, которых она, «бедная девочка» должна была уважать и бояться. В стихотворении «Упование на Бога» она пишет:

Бояться? Чего бояться?
Ведь я же хожу под небом –
Под оком лазурным Бога,
И взгляд его – ясное солнце –
Я на себе ощущаю.
А ночью меня охраняет
Темное звездное небо,
И лунного света касанье
Я чувствую сквозь дремоту –
То Бог на меня взирает.
«Все волоски твои
Бог перечел и знает,
И ни один из них
Ты потерять не сможешь
Без Господа соизволения», -
Так в Библии говорится.
И я должна бояться? Уж не людей ли?
Нынче они горды и знатны,
А завтра станут пылью,
И их развеет ветер.

Многие немецкие стихи Элизабет, которые, в отличие от большинства ее поэтических опытов, действительно отражают ее внутренний мир, свидетельствуют о неотступном стремлении к славе. В одном из них Элизабет передает свой короткий диалог с Судьбой, которая, будучи в хорошем настроении, предложила ей исполнить любое ее желание. «Для счастья, - говорит девочка, - мне нужны только хлеб и слава». В другом стихотворении она более обстоятельно рассказывает о своих желаниях. Элизабет мечтает о соломенной хижине, поле и саде (вполне естественные желания городского ребенка), а еще, чтобы рядом жили Гомер, Вергилий, Шекспир, Данте, Лодовико Ариосто и Торквато Тассо, среди которых она хотела бы занять и свое скромное место. Больше ей ничего и, главное, никого не надо.

Некоторое время ей казалось, что мечты ее осуществимы. Однако в ноябре 1824 года во время наводнения 16-летняя Элизабет простудилась, потом у нее началась чахотка (туберкулез легких), и вскоре ей стало ясно, что это конец. Единственным утешением для нее были мечты о славе – уже посмертной: «Все кончено. И чуда / Не стоит больше ждать. / Лишь о посмертной славе / Могу еще мечтать». В одном из последних стихотворений она писала, что забвение страшит ее больше, чем смерть. Однако не теряла надежду, что когда-нибудь некий библиофил найдет ее стихи. «Потомки не так завистливы, как современники. Часто слава приходит вслед за смертью», - заключает она вслед за Петраркой, который тоже посетовал в одном из писем: «Хочешь, чтобы хвалили твой слог? – Умри». И она без страха и сожаления шла навстречу смерти. Ей не дорога была жизнь, в которой не осталось ничего, кроме нищеты и страданий, и только жалость к матери связывала ее с этим миром.

Время от времени ее посещал доктор, который только разводил руками и говорил, что на юге она непременно бы поправилась (Об этих советах Элизабет пишет в одном стихотворении). Так это было бы или не так, неизвестно, но никто ее ни на юг, ни хотя бы в сельскую местность не отправил, и Элизабет умерла через год, 19 ноября (1 декабря) 1825 года в возрасте 17 лет. В некоторых источниках утверждается, что в последние годы жизни она пользовалась покровительством царской семьи. Возможно, однако покровительства этого хватило лишь на сооружение мраморного надгробия. Мертвый поэт всегда лучше живого. Особенно такого, как Элизабет Кульман, которая на краю могилы очень четко определила свое место в этом и другом мире.

О славе я мечтала
И этим лишь жила.
Ее одну желала,
И жизнь ей отдала.

Мой путь лежит в эфире,
Где только Бога власть.

Я вознеслась над миром
И не боюсь упасть.

4. Миф о «бедной девочке»

Пусть не заподозрят меня читатели в попытке «очернить» образ рано умершей девушки, поскольку я так много пишу о ее непросто́м характере, презрении к окружающим, высокомерии, гордости, ощущении своей избранности и навязчивом желании славы. Напротив. Просто мне кажется, что Личность и Поэт (понимаю Марину Цветаеву, не желавшую именоваться «поэтессой») такого масштаба заслуживает большего, нежели сентиментальные тексты о «бедной девочке» (мы помним, как не любила Элизабет, когда ее так называли), которая знала одиннадцать языков и в невероятном количестве писала и переводила стихи. Дело в том, что ни феноменальные способности к языкам и память, ни графомания сами по себе не свидетельствуют ни о гениальности, ни даже о сколько-нибудь выдающихся творческих способностях. А Элизабет была выдающимся, возможно, даже гениальным поэтом, причем поэтом именно немецким, а не русским или итальянским, ибо только на своем родном языке, немецком, она писала стихи, которые можно назвать шедеврами. И это не сказки, не трогательный и талантливый лепет о птичках и цветах, не стилизации под очищенную и «обезвреженную» классицизмом античность, а стихи, исполненные невероятной, запредельной силы духа и бесстрашия, в которых она писала о своем одиночестве и тоске, о презрении к миру, о единении с Природой и Космосом, о неотступной навязчивой жажде славы, о бессмертии в памяти грядущих поколений и, наконец, о стойком и тут уже действительно античном примирении со смертью и безвестностью.

Элизабет умерла в 17 лет, и те, которые прочили ей великое будущее, вероятно, были правы. Вероятно, но не наверняка, ибо, во-первых, очень рано проявившиеся исключительные дарования не всегда получают дальнейшее развитие, во-вторых, она была женщиной, в-третьих, она не имела никаких средств к существованию, никаких литературных и светских

связей и едва ли завела бы их со временем, поскольку не хотела и не умела сходиться с людьми. Впрочем, если бы Элизабет Кульман и заняла достойное место в истории литературы, свидетельства и воспоминания о ней могли быть какими угодно, но точно не сентиментальными. Среди настоящих поэтов редко можно найти «хороших людей» в привычном смысле этого слова, а среди поэтесс «дам, приятных во всех отношениях» встретить еще сложнее.

Сентиментальный образ Элизабет Кульман в качестве ангелоподобной «бедной девочки» «не от мира сего» сложился вполне закономерно. Во-первых, тому способствовали основные факты ее биографии: бедность, одиночество, исключительные способности и ранняя смерть от чахотки. При этом существенная роль в его создании принадлежит ее учителю, и его можно лишь поблагодарить за подобное невинное мифотворчество. А как иначе? Он восемь лет добивался у Академии Наук выделения денег на полное академическое издание сочинений своей ученицы и победил: в 1833 году увидели свет «Поэтические опыты» Элизабет Кульман. То, что сделал К.-Ф.Гроссгенрих, можно назвать подвигом. Он привел в порядок колоссальное хаотическое наследие Э.Кульман, собственноручно переписал все ее тексты (почти все они дошли до нас в его копиях) и представил их таким образом, чтобы их издал не кто-нибудь и как-нибудь, а сама Академия Наук. Понятно, что члены комиссии, хоть и знали немецкий язык, основное внимание обратили на русские стихи Элизабет и отозвались о них с похвалой, хоть и указали на некоторые стилистические и грамматические погрешности. На решение комиссии в пользу издания повлияло и то, что почти все русские стихи Элизабет казались или сугубо детскими или посвящены были исключительно мифологическим сюжетам, причем тщательно отобранным с точки зрения строгой нравственности. Кстати, бросается в глаза, что в литературном наследии Элизабет Кульман почти отсутствует тема любви. Вполне правдоподобно, что к семнадцати годам Элизабет, которая вела очень замкнутый образ жизни и, как мы уже видели,

отличалась независимым и гордым нравом, еще не встретила человека, который бы завоевал ее сердце. Однако едва ли в 15-16 лет ее совсем не интересовала тема любви, хотя бы в сугубо литературном плане. Тем не менее, стихов о любви, как, впрочем, и о дружбе, у нее почти нет. Понятно, что у нее не было и не могло быть подруг: девочки, с которыми она учились, были богаты, избалованы и не отличались прилежанием. Они презирали ее за бедность, а она их – за тупость. Мечтала ли она встретить настоящую любовь или, будучи убеждена в своем исключительном призвании и опасаясь потерять свободу, пыталась избавиться от естественных желаний, мы не знаем, ибо в стихах этого нет. Русская часть литературного наследия Элизабет отражает лишь поэтический дар, феноменальную эрудицию и абсолютно незамутненное сознание идеального ребенка, существующего лишь в воображении наивных взрослых. И, по счастью, ничто не смутило престарелых осторожных академиков, иначе мы никогда бы не узнали даже имени Элизабет Кульман. Вспомним, что работа над изданием ее сочинений велась после подавления восстания декабристов, когда относительно либеральное правление Александра I сменилось диктатурой и репрессиями Николая I, когда не только критика в адрес режима, но и самая невинная историческая ассоциация, любое проявление нестандартного мышления могли иметь самые неприятные последствия и для автора, и для тех, кто пропустил неосторожные высказывания. Понятно, что К.-Ф.Гроссгенрих постарался, чтобы ни один запуганный цензор не заметил ничего предосудительного. Никто ничего и не заметил, хотя, если бы очень постарались... Однако едва ли кто-то искал крамолу в стихах, особенно после чтения подробного сопроводительного письма Гроссгенриха, в котором он рассказал о военных заслугах отца и братьев Элизабет, об исключительном прилежании и усердии своей юной ученицы, о чистоте ее души и христианских добродетелях и т.д. В честности Гроссгенриха сомневаться не приходится, однако все-таки на основе реальных правдивых фактов он создал миф. Этот миф был необходим для издания сочинений

Элизабет, однако он несколько упрощает ее куда более сложный и противоречивый внутренний мир. В связи с этим возникает вопрос: все ли поэтическое наследие Элизабет Кульман издано или осторожный учитель изъясил сомнительные по содержанию стихи? Ответ на него может дать лишь тщательное изучение ее рукописного наследия.

5. «Посмертная слава – забвение»

«Посмертная слава – забвение», - считал римский император и философ Марк Аврелий. И не потому что посмертной славы не существует, а потому, что она – это и есть забвение, ибо скрывает в своих ярких или не очень ярких лучах образ реального человека, который вскоре стирается из памяти людской и навсегда уходит в небытие.

Посмертная слава Элизабет Кульман отчасти проясняет смысл этих слов.

Итак, вернемся к истории изданий сочинений Элизабет Кульман. Как мы помним, оно было впервые осуществлено в 1833 году под названием «Поэтические опыты». Шесть лет спустя вышло в свет второе издание. Тогда же, в 1839-м, были изданы «Сказки» Элизабет Кульман на русском языке. С 1835 по 1857 год в России и Германии было осуществлено восемь изданий сочинений Э.Кульман на немецком языке, а с 1839 по 1847 год четырежды, в России и Италии, выходили собрания ее итальянских стихотворений.

Наиболее заметным в истории культуры откликом на ее стихи стали два вокальных цикла Роберта Шумана, сочиненные в 1851 году: один из них – «Девичьи песни» (Maedchen-Lieder, opus 103) включает четыре произведения для двух женских голосов и фортепиано; другой – «Семь песен» (Sieben Lieder, opus 104) – содержит произведения для женского голоса и фортепиано. Почему Р.Шуман, относившийся очень внимательно к выбору текстов, которые собирался положить на музыку, обратил внимание

именно на стихи Элизабет? Ответ - в одном из его писем: «Это воистину блаженный остров, всплывший из хаоса нашей современности»².

Данная фраза объясняет не только причину выбора, но и его специфику. В него вошли или сугубо детские стихи о природе, или стихи, отражающие просветленную печаль и примирение со смертью. Иными словами, отобранные тексты должны были соответствовать и полностью соответствуют образу блаженного острова, где нет и не может быть никакого хаоса. Отчасти выбор можно объяснить и тем, что ко времени создания вокального цикла Р.Шуман был отцом пятерых детей – двух мальчиков и трех девочек, старшей из которых было десять лет. Таким образом, он мог воспринимать Элизабет как пример для своих маленьких дочерей, которых он хотел видеть цельными, не знающими душевных смут созданиями.

Издание песен на стихи Э.Кульман включает написанные Р.Шуманом посвящение и послесловие, а также комментарии к каждому произведению.

«Эти скромные песни посвящены памяти девочки, которой давно уже нет среди нас и имя которой известно совсем немногим, - писал композитор. - Она была, однако, из тех чудесно одаренных созданий, которые являются в мир весьма редко. Уроки высшей мудрости в искусном поэтическом выражении даются здесь устами ребенка; сами стихи говорят о том, как жизнь ее, протекавшая в тихой безвестности и глубочайшей бедности, была богата радостями. Из тысячи коротеньких стихотворений, из которых лишь немногие подходят для музыкального сочинения, выбрано несколько; эти песни могут лишь приблизительно обрисовать ее характер. Вся ее жизнь была поэзией, из этого богатого бытия могли быть выбраны лишь отдельные моменты. Если бы эти песни могли сделать ее имя известным в тех многочисленных кругах, где о ней до сих пор не слышали, я бы считал свою цель достигнутой. Я верю, что поэтесса, которая три десятилетия назад была знакома на севере лишь единицам, рано или поздно будет встречена в

² Цит по: Ганзбург Г.И. К истории издания и восприятия сочинений Елизаветы Кульман // Русская литература. – 1990, №1. – С. 148-155

Германии как светозарная звезда, и сиянье ее широко разольется над всеми странами»³.

Всю свою короткую жизнь Элизабет мечтала о путешествиях. В раннем детстве ее манили далекие экзотические страны, и она жалела, что родилась не мальчиком, а девочкой, и потому лишена возможности свободно странствовать по миру. Однако незадолго до смерти ею завладела мечта побывать на родине предков.

Дунай и Рейн и Эльба,
На ваших берегах
Я часто отдыхала
В своих былых мечтах.

Люблю я край суровый,
Где мой родимый кров,
Но я хочу увидеть
Страну моих отцов.

Мне кажется, я легче
Тогда бы умерла,
Когда ее увидеть
Хоть издали смогла.

«Но этого не будет!» - обрывает она себя и пишет о том, что не должна предаваться несбыточным мечтам и роптать на Бога, однако в конце вновь обращается к далекому призрачному образу родины предков:

Когда ж чертог небесный
Предстанет предо мной,
Я оглянусь еще раз
На этот рай земной.

Можно сказать, что после смерти ее мечта отчасти сбылась. Она вернулась на родину предков в образе прекрасных песен Роберта Шумана, и все же приходится признать, что композитор рисовал в своем воображении иные картины ее посмертного бытия в этом мире. Он верил, что она «будет встречена в Германии как светозарная звезда, и сияние ее широко разольется над всеми странами».

³ Цит. по: Ганзбург Г.И. Указ.соч.

Однако этого не случилось.

Во второй половине XIX-начале XX века в России вышло огромное количество популярных статей и книг об Элизабет Кульман, в том числе предназначенных для детского чтения, где она представала как «хорошая девочка» и пример для подражания. Примечательно, что вал нравоучительных и трогательных текстов об Элизабет Кульман, основанных на биографии, составленной К.-Ф.Гроссгенрихом, сопровождался полным прекращением изданий ее произведений. В советский период, понятно, стало не до нее, но уже с 1980-х годов появляется довольно много работ, посвященных ее жизни и творчеству. Большинство из них по своему научному да и художественному уровню выше, чем то, что писалось до революции «для поучения и назидания». В них меньше сентиментальности и больше конкретных фактов, однако, в целом, ситуация осталась прежней: на фоне заметного развития «кульмановедения» (термин Г.И.Ганзбурга – одного из самых глубоких исследователей творчества Элизабет Кульман) почти полное отсутствие изданий стихотворений. В начале 1990-х годов автор этих строк опубликовала несколько статей о творчестве Элизабет Кульман, где приводились ее немецкие стихи вместе с русскими переводами, однако формат изданий не позволил должным образом развить данную тему.

Аналогичная история и в Германии, с той лишь разницей, что там во второй половине XIX века интерес к Элизабет Кульман почти угас и возродился только в конце XX столетия, прежде всего в связи с интересом к истории российских немцев.

В общем, это типичная ситуация. Тексты о поэтах, писателях и философах по объему в десятки, а то и в сотни раз превышают их творческое наследие. Что касается Элизабет Кульман, то здесь ситуация имеет и другие объяснения. С одной стороны, необыкновенная трагическая биография, феноменальные способности, ангельская внешность (если верить портретам); обо всем этом интересно и приятно писать. С другой стороны, гигантский массив текстов на нескольких языках, наполненных образами, сюжетами и

аллюзиями, большинство из которых непонятны современному читателю. В то же время детские стихи Элизабет могут показаться слишком простыми и наивными нашим искушенным современникам. Короче, сомнения издателей понятны. В Интернете можно найти весьма небольшую часть творческого наследия Элизабет Кульман. Русских стихов очень мало, хотя в «кульмановедении» она позиционируется как русская поэтесса (что, на мой взгляд, не вполне точно, учитывая характер ее немецких и русских стихов). Больше можно найти стихотворений на немецком языке; чаще всего воспроизводятся тексты, положенные на музыку Р.Шуманом. Впрочем, большинство опубликованных в Интернете произведений Элизабет Кульман нельзя отнести к наиболее интересной части ее творческого наследия. В связи с этим, наряду с необходимостью академического издания произведений Элизабет Кульман, куда бы вошло также ее ранее не публиковавшееся рукописное наследие, есть потребность в собрании стихотворений, рассчитанных на относительно широкий круг читателей. А пока солидная библиография работ об Элизабет Кульман и множество повторяющих друг друга текстов в Интернете свидетельствуют лишь о том, что ее образ пока еще соответствует стереотипному представлению об идеале, который отчасти сохранился в душе образованного европейца, воспитанного на культуре романтизма. В соответствии с ним, дарованные Природой или Богом исключительные способности, должны сочетаться с исключительными страданиями и ранней смертью. Образ Элизабет Кульман, основанный на этой триаде, соответствует реальным фактам ее биографии. Однако он более сложен и противоречив и потому ближе нам, сегодняшним, уходящим все дальше и дальше от складывавшихся веками культурных стереотипов и традиций. Куда мы уходим и зачем – другой вопрос, но наш исход неизбежен и, дабы он не привел нас в Никуда, стоит взять с собой кое-что из наследия. В том числе немецкие стихи Элизабет Кульман.

6. Вместо эпилога. Несостоявшаяся встреча, или свидание за пределами

Как помнят наши читатели, в одном из своих стихотворений Элизабет писала о том, что больше всего мечтает жить на лоне природы и общаться с великими поэтами далеких эпох. Хотите верьте, хотите нет, но это желание осуществилось.

В начале 1835 года поэт Вильгельм Карлович Кюхельбекер, находящийся в одиночном заключении за участие в восстании декабристов, прочитал биографию и стихи Элизабет Кульман. Ее возвышенный образ, необыкновенный поэтический дар и ранняя смерть произвели на него столь сильное впечатление, что он записал в своем дневнике 28 января: «Елизавета Кульман – что за необыкновенное восхитительное существо! Стихи ее лучше всех дамских стихов, какие мне случалось читать на русском языке; но сама она еще не в пример лучше своих стихов. Сколько дарования, сколько души, какое воображение! И это все должно было погибнуть в семнадцать лет! Тут можно с глубоким чувством истины и скорби произнести (...) слова: «Неисповедимы пути Провидения!»; и точно, как не назвать их неисповедимыми, когда подумаешь, кем бы могла быть Елизавета, если бы смерть не похитила ее у нас так рано! (...) Как жаль, что я ее не знал! Без сомнения, что я бы в нее влюбился, но эта любовь была бы мне столь же благотворна, сколь были мне вредны страстишки к мелким суетным созданиям, в которых не было ничего из всего того, чем дарило их мое слишком щедрое воображение».

Встреча на земле двух поэтов не состоялась. Однако она все-таки произошла – в другой реальности.

Мысли о безвременно умершей девушке, с которой он мог бы встретиться и которая озарила бы его жизнь, не покидали узника. И он пишет стихи о встрече с ней. Но не о той, что могла бы состояться в Петербурге у общих знакомых, а о той, что обязательно ждет их в будущем, в той стране, «где поэты не страдают» и где Вильгельм тоже обретет долгожданный покой.

Там ни зла, ни гроз, ни ночи
Их божественные очи
Уж не видят. Вход туда

Загражден для черни шумной.

Там, среди живописных пейзажей, собралось избранное общество: Гомер, Эсхил, Вергилий, Данте, Торквато Тассо, Луис Камознс, Педро Кальдерон. И тут (о радость!) в компании гениев Кюхельбекер узнает Державина. Однако маститый русский поэт не один. Его сопровождает юная прекрасная девушка, которую он представляет как свою приемную дочь. Кто же она? Вильгельм никогда не встречал ее прежде, но что-то знакомое он увидел в ее прекрасных чертах...

Или в вещем царстве сна,
Или в храме идеала,
А душа ее встречала:
Ею мысль и грудь полна!

Да, это была Элизабет Кульман.

И тут стихотворение обрывается словно на полуслове. Изложив пространную речь Державина, посвященную таланту Элизабет, поэт неожиданно замолкает. И не потому, что не о чем было писать. Ведь оставшись навсегда в блаженной стране, где «поэты не страдают», Вильгельм рано или поздно заговорил бы с Элизабет и узнал то, что, наверное, уже заметили внимательные читатели: ту же самую страну мечтала увидеть (или увидела тоже во сне) и она, причем оба встретили там почти одну и ту же компанию. (В своем стихотворении, как мы помним, Элизабет упомянула Гомера, Вергилия, Данте, Торквато Тассо и Лодовико Ариосто).

Впрочем, беседы поэтов в царстве теней – это совсем иная тема.

(Сокращенный текст статьи – в книге Томан И.Б. Немецкие поэты в России. М., 2009)